

Коровина Н.С. ©

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, сектор фольклора,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук

МЕСТО ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ КОМИ НАРОДА

Аннотация

Основная задача статьи – изучить общественные, бытовые и эстетические функции коми народной сказки, ее место и значение в народной культуре. В статье затрагиваются вопросы исполнительского мастерства современных сказочников, своеобразие их манеры и стиля. Проблема, которой посвящена эта статья, не только не утратила значения для современной науки, но и приобретает особо актуальный смысл в современных условиях, когда ценность традиций народной культуры заново осознается и осваивается новыми поколениями.

Ключевые слова: коми народная сказка, сказочник, народная культура, традиция, обрядовая функция рассказывания сказок.

Keywords: Komi folk tale, the storyteller, folk culture, tradition, ritual function of telling tales.

Сказка (мойд) занимает одно из ведущих мест в поэтическом творчестве коми народа. Собранный фольклорный материал свидетельствует о развитости сказочной традиции, о наличии одаренных исполнителей этих народных произведений в коми народной культуре.

Сказки у коми в древности, как и у других народов, выполняли производственно-магическую функцию. «Отзвуком» этого назначения является обычай рассказывать их накануне охоты с целью обеспечить успех в ней [5, 26]. Этот обычай можно связать с представлениями многих народов мира о том, что такие сказки первоначально предназначались лесным духам. Их рассказывали во время охоты в лесу, в лесной избушке и обязательно вечером. Лесной дух, по народным верованиям, приходил слушать сказки и оставлял на это время без присмотра лесных животных, которые и попадали в капканы и ловушки, поставленные охотниками [2, 223].

Существовали в коми культурной традиции и определенные сроки рассказывания сказок. Общим в культуре самых разнообразных народов является то, что сказки запрещалось рассказывать днем, при дневном свете и в течение лета, разрешалось же рассказывать ночью и в зимнюю пору. «Отзвуки» запрета рассказывать сказки в летние месяцы у коми отмечены на Сысоле, где существовало поверье, что в этот период нельзя рассказывать сказки, т.к. это грозит тем, что медведь может напасть на коров; кроме того, нельзя рассказывать сказки днем, иначе могут пропасть все ложки [2, 118]. По сведениям информанта Л. Михайловой из с. Богородск Корткеросского р-на, ее бабушка Е. А. Конакова говорила: «Оз позь мойдны лунын и гожёмын. Мойдöны сöмын рытнас. Мойдан кө лунын либö гожёмын, кывзас катша да висьталас ошлы. Кор вотчыны мунан, ош повзьöдас» [АА]¹ – «Нельзя рассказывать сказки днем и летом. Рассказывают сказки только вечером. Если будешь рассказывать сказки днем или летом, услышит сорока и расскажет медведю. Когда пойдешь в лес за ягодами, медведь напугает».² Эти поверья можно интерпретировать как одно из свидетельств магических свойств этого прозаического жанра: произнесение сказочного текста привлекает духов, демонов и их помощников, что может быть опасным для человека, а исчезновение ложек символически обозначает конец съестных припасов в доме [3, 15].

Безусловно, в настоящее время обрядовая функция рассказывания сказок давно забыта. Однако имеющиеся сведения позволяют ретроспективно предположить зависимость места и времени исполнения этих фольклорных текстов от их первоначального религиозно-магического назначения.

Традиция рассказывания сказок всегда поддерживалась, передавалась из поколения в поколение, творчески развивалась благодаря наличию в народной среде знатоков этого прозаического жанра: они перенимали от старшего поколения сказочное наследие, хранили его в своей памяти, чтобы исполнять сказки и передавать их молодому поколению.

Коми сказочник, как можно предположить на основе анализа свидетельств собирателей народного творчества, был по преимуществу представителем крестьянства. Сферы бытования сказки в крестьянской среде были чрезвычайно разнообразными. Особенно благоприятствовали рассказыванию сказок осенние и зимние работы коми крестьян. В это время после обмолота хлеба многие крестьяне, особенно северных районов республики, уходили на «лесование» (охоту, лесозаготовки, отхожие промыслы). В охотничьей избушке после трудного дня собирались от двух до пяти человек. В этих условиях рассказывание сказок становилось главным способом времяпровождения длинных осенних и зимних вечеров. Поэтому большинство лучших сказочников на Печоре, Выми, Мезени, Вашке, Вычегде оказались в прошлом охотниками и на вопрос, где они слышали ту или иную сказку, часто отвечали – «в угодьях», т.е. в охотничьей избушке.

Знатоками сказок являлись и солдаты, разносящие по всей стране услышанные и усвоенные ими в казармах сюжеты. Кроме того, сказки рассказывались и распространялись разного рода странствующими сельскими ремесленниками: катанщиками, пимокатами, портными. По сведениям И.А. Осипова, известный сказочник из с. Большелуг Ф. Т. Мишарин знал сказки с детских лет, с тех пор, когда он начал ездить по деревням валять валенки [7, 253]. О сказочнике из с. Корткерос Е. Д. Ладанове исследователь заметил: «... 36 раз ездил работать на заводы; во время поездок на заводы и научился рассказывать сказки, от одного да от другого» [7, 252].

Сказки рассказывали и в домашних условиях. Мужчины средних лет, иногда и старики собирались по вечерам у одного из соседей, любителя сказок, чаще всего рассказчика, и после обмена новостями, после веселых шуток переходили к рассказам случаев из своей охотничьей жизни, к сказкам, бывальщинам. На таких вечерах бывала и молодежь, которая училась сказкам у старших.

Итак, особенно широко бытовала сказка в разнообразных артелях и предназначалась в основном для взрослых. Развитие сказочного творчества в коми культуре шло в основном за счет мужского сказительства. Основная ее функция в этот период – скоротать длинные вечерние часы, свободные от работы. Этим в значительной степени объясняется наличие в репертуаре местных сказочников развернутых и богатых приключениями сюжетов.

Знали сказки и женщины. Так, по свидетельству М. С. Кочевой (д. Коптюга Удорский р-н), «раньше каждый сказку знал. В Великий пост соберемся девки, и ну сказки рассказывать. Песни-то нельзя было петь – пост. Сказка не грех. Или в лесу мужики соберутся – всегда велят сказки рассказывать» [8, 7].

Интересной сказочницей и вопленицей, по словам А. К. Микушева, зарекомендовала себя М. В. Казакова из с. Корткерос Корткеросского р-на. Исполнять сказки, ее не надо было уговаривать: сама признавалась, что дети постоянно просили ее рассказать какую-нибудь сказку [11, 13]. К числу талантливых мастеров-исполнительниц следует отнести В.Н. Ивкину из д. Муфтюга Удорского р-на, Д. Е. Сокерину из с. Кони Княжпогостского р-на, У. А. Коскову из с. Колва Усинского р-на.

Каждый из исполнителей обладал индивидуальными особенностями. Одни из них знали одну-две, несколько сказок, другие обладали значительным репертуаром, включающим в себя порой по несколько десятков текстов. Одни – сказочники случайные, другие – прирожденные мастера. От личного вкуса рассказчика зависел выбор из сказочного

репертуара, бытующего в данной традиции. «Сказочник перенимает не все, но то, что так или иначе близко и дорого ему, волнует его фантазию и западает в душу» [1, 29].

Однако не только интересные сюжеты могли обеспечить сказкам успех. Громадное значение имело само исполнение. Н. Е. Ончуков отмечал, что сказочники – «это поэты и художники слова и часто виртуозы рассказа» [15, 48]. Они не ограничивались механической передачей текста, а как бы заново творили его, внося в него новое содержание, меняя его согласно своему мировоззрению и вкусу. В создании образа участвовали не только слово, но и жест, мимика, голос. Таково было искусство известного на Вишере сказочника-балагура, шутника А. А. Габова. Описывая его стиль исполнения, И. А. Осипов замечает: «Как сказочник Габов (Опонец Алексей) известен по всей Вишере. Его знают в каждом селе и при расспросах указывают на него за много верст вперед. Известность такая заслуженная. А. Габов – мастер-сказочник, который выделяется среди других рядовых сказочников богатством своего репертуара, творческим талантом и, главное, мастерским, артистическим исполнением. <...> Серьезные, особенно эпические повествования, нисколько не подходят ему. По природе он веселый, жизнерадостный человек, и его сказки рассказываются для того, чтобы развеселить слушателей. <...> При исполнении сказок А. Габов как будто на сцене; он рассказывает и одновременно изображает рассказанное с помощью жестов, мимики, богатой интонации, подражая голосом речи героев. Он часто меняет позу, встает, обратно садится. Рассказывает он с большим воодушевлением и своим воодушевлением невольно увлекает слушателя» [6, 250, 252].

Удорский сказочник И. И. Игушев в отличие от А. А. Габова был человеком тихим, спокойным, любил рассказывать длинные волшебные сказки в медленном темпе, вел повествование без лишних жестов, сдержанно. Речь рассказчика приостанавливалась иногда вставным *но ладно*: «*Но ладно, бора вӧдзӧ муні, муні — воис мӧд дӧмӧ [АА]*» – «Ну ладно, ехал, ехал, приехал ко второму дому». Эта вставка произносилась более низким, спокойным голосом, сказочник как бы акцентировал внимание слушателя на длительности действия, отделяя одно событие от другого. Стремление рассказывать длинные многосюжетные сказки сдержанно, без лишних жестов, отсутствие мимики, неспешность действия исполнителя, обилие стилистических повторов придают его произведениям эпическую размеренность и позволяют охарактеризовать индивидуальный стиль И. И. Игушева как стиль сказочника-эпика, сохранившего в своем творчестве четкие формы сказочной обрядности.

Традиция рассказывания сказок в Коми крае сохранялась вплоть до 80-х годов XX в. Научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Т. И. Орнатская, побывавшая с Ф. В. Плесовским в 1961 г. на Удоре, еще застала в этом районе такой этап жизни сказочной традиции, когда почти в каждой деревне был сказочник, пользовавшийся известностью среди односельчан. В своем отчете Т. И. Орнатская написала: «В Удорском р-не и сейчас нетрудно отыскать сказочников. Сказка здесь прежде жила полнокровной жизнью <...> Преобладающее большинство из них (сказочников – Н. К.) – мужчины, отлично владеющие русским языком, рассказывают сказки как по-русски, так и по коми» (8, 7).

Считается, что в отличие от русских у коми не было профессиональных сказочников. Это, в частности, отмечал Ф. В. Плесовский: «Сказочников-профессионалов у коми нет, но сказки знают и любят многие колхозники. Репертуар большинства исполнителей ограничивается 5-10 номерами. Лучшие сказочники знают до 30 сказок и рассказывают их с большими художественными подробностями» [4, 12]. Однако репертуар ни одного из коми сказочников так ни разу и не был полностью зафиксирован. К сожалению, приходится признать, что проблема сказителя и сказительства в то время не занимала в коми фольклористике достойного места, уступая его проблемам генезиса и истории жанров. Счастливым исключением стала фиксация репертуара коми сказительницы А. А. Шуктовой (1891-1975). За 16 лет А. К. Микушев записал от нее около 50 сказок, 100 песен, 60 причитаний, 150 частушек [9, 10]. Как одного из последних хранителей богатой удорской сказочной традиции надо назвать и талантливого сказочника И. И. Игушева (1921-

1994) из д. Муфтюга. От него в 1960-80-ые годы разными собирателями было записано 38 сказок, из них 27 сказок в 1980 году – автором данной статьи.

Тем не менее, вопреки общепринятому мнению, есть свидетельства, что сказочники-мастера, своего рода профессионалы, пользовавшиеся известностью далеко за пределами своих мест проживания, все же имелись. По словам А. С. Селиванова, одного из исполнителей сказок, проживавшего на Мезени, «вашкинские (жители по р. Вашка на Удоре – Н. К.) сказки очень любили слушать. Когда лес возили, приезжали к нам вечерами на лошадях с колокольчиками и увозили моего отца, чтобы он рассказывал им сказки. Другой такой мужик был, звали Палладий, его тоже возили» [14, 134].

К сказочникам-профессионалам, правда, условно, И. А. Осипов причисляет самобытного сказочника из с. Сторожевск А. С. Ширяева. Лишившись еще в трехлетнем возрасте зрения, он до 19 лет жил с отцом и научился у него рассказывать сказки. После смерти отца А. С. Ширяеву пришлось ходить по деревням и собирать милостыню. За свою жизнь он совершил 34 «выхода в люди». За это время он побывал почти во всех деревнях и селах Коми края. Слава о нем как о талантливом сказочнике разнеслась по всей округе. И как только он приезжал в какое-то село, в доме, где он останавливался, тотчас же собирались мужики, чтобы послушать его сказки [7, 286-287].

Итак, материал, собранный исследователями и хранящийся в архивах Коми НЦ УрО РАН, Национального музея и Национального архива РК, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) убедительно свидетельствует о наличии в прошлом богатой и разнообразной устно-поэтической традиции коми и об одаренных исполнителях.

В настоящее время живые сказительские традиции угасли. Такого активного бытования сказки, какое отмечали собиратели лет 40-50 назад, уже нет. Анализ имеющегося материала показывает, что в этом жанре идут сложные процессы трансформации.

Ценностную переориентацию сказителя в связи с социальными преобразованиями в стране можно проследить на основе сопоставления двух вариантов записи одной и той же сказки о Безручке в исполнении И. И. Игушева, сделанных в разные годы. В сказке, записанной Ф. В. Плесовским в 1960 г., говорится о том, что умер царь, надо выбирать нового. По обычаям тех мест царем становится тот, на чью голову сядет выпущенная птичка. В данном эпизоде птичка садится на голову главной героини, и она становится царицей [12, 305]. В варианте, записанном автором в 1980 г., главная героиня Марпида Прекрасная становится председателем сельсовета [АА].

Все виды современных сказок (не только социально-бытовые, но даже и некоторые волшебные) отличаются острой идейной направленностью. Это сказывается прежде всего в том, что некоторые сюжеты имеют в основе две важные общественные темы: социальную несправедливость и социальное наказание. Вот, что говорит, например, Царь-отец, попавший на том свете в ад, пришедшему туда Федоту-стрелку: *«Вот кутшймас ола, видлы. Вёлö пöри, мөд мөдөр бөкös, шуас, косяласны-кулясны. Нарөдыскөт чорыда олі, крестьянасö öбидиті ёнас, дак аслым оланлуныс и лёк. Пиöлы висьтав, крестьянасö моз öбидит, да мед, шуас, сеталас чистö быдтор көньлы. А некодлы кө нинём оз сет, чордас олö да крестьянасö накажиталас, тая жö сылы лоö»* [АА] – «Посмотри, как я живу. В лошадь превратили, с двух сторон спину полосуют. С простым человеком обходился строго, обижал крестьян сильно, вот и живу сейчас плохо. Передай моему сыну, чтобы не обижал крестьян, пусть дает им все, что они пожелают. А если не будет ничего давать да будет наказывать крестьян, такая же участь его ожидает.

Некоторые из коми сказок обретают новое социальное звучание, они выражают свободолюбивые чаяния, затаенный протест, а порой и бунтарские настроения. В них гораздо яснее выражаются чаяния и ожидания народные, мечта о социальной справедливости, счастливой и спокойной жизни. Положительным героем многих современных коми сказок становится социально активный критически настроенный человек:

«Йӱзсӱ Иван сар чукӱртас да вӱчас сӱбранные аслас полуостровын, юалӱ йӱзыслысь, кодлӱн кутшӱм корӱмъяс эмӱсь чиновникъяс вылӱ да мукӱд гырысь служакъяс вылӱ. Лек, нартитысь служакъяссӱ вӱтлалыс-вежлалыс, ён тӱварищескӱй дисциплина лӱсӱддас, выль начальникъясӱс назначитас. И ӱнна олӱны-вылӱны» [13, 4] – «Царь Иван собрал людей и сделал собрание на своем полуострове. Спросил у людей, у кого, какие жалобы есть на чиновников и высокопоставленных служащих. Тех, кто слишком эксплуатировал людей, выгнал, заменил новыми, наладил твердую товарищескую дисциплину, назначил новых начальников. И сейчас живут-поживают».

Современность отразилась сильнее всего в лексике коми сказок. Совершенно естественно, что в современную волшебную сказку входят такие понятия, как пароход, телеграмма, договор, министр, командировка и др.: *«Сар виччыси, виччыси – вӱшис зять. На четыре стороны сетис телеграмма, кытчӱкӱ изо Русью нет»* [АА] – «Царь ждал, ждал – пропал куда-то зять. Дал телеграмму на все четыре стороны, может где-то на Руси появился»; *«Мӱдӱс коркӱ Елена Прекраснаяӱд командировкаӱ»* [АА] – «Поехала когда-то Елена Прекрасная в командировку».

О существовании Еруслана Лазаревича Иван-русский богатырь узнает из газет: *«А сӱдз и сӱдз, шуас, газетысь лыддӱлы, Лазарь Лазаревичлӱн ни выйым – Еруслан Лазаревич, зэв ён, гижӱны»* [АА] – «А так и так, говорит, из газеты прочитал, у Лазаря Лазаревича есть сын – Еруслан Лазаревич, очень сильный, пишут».

Таким образом, современное функционирование коми сказок имеет ряд особенностей:

1. В первую очередь происходит сужение непосредственной фольклорной традиции. В настоящее время практически исчез тот общекультурный пласт, в рамках которого могут функционировать и быть востребованными сказки. Ныне устное бытование традиционных сказок ограничивается преимущественно семейным кругом, рассказывают их чаще всего пожилые люди детям. Оставшись без своей «питательной среды», они забываются.

2. Сегодня все более очевидно, что происходит утрата старых этнобытовых связей фольклорных явлений и в качестве доминанты выдвигается художественная функция традиционного фольклора, фольклорная традиция воспринимается в первую очередь как эстетический феномен.

3. Как показал анализ, в этом жанре коми сказки идут сложные процессы трансформации. В первую очередь это сказалось в социальной заостренности сюжетов, в стремлении к реализму в изображении явлений действительности, в использовании лексического материала, отражающего культурно-исторические преобразования в общественной жизни и быту.

4. Приведенные примеры закономерных изменений, происходящих в коми народном сказкотворчестве, отнюдь не говорят о разрушении его глубинной традиционной основы. Несмотря на то, что круг слушателей и ценителей сказок значительно сузился, ушли из жизни мастера сказочного эпоса, сказочная традиция еще жива, она сконцентрирована в архивах, фонотеках и не утрачивает высокой ценности как культурное наследие.

¹Использован материал из архива автора статьи, здесь и далее - [АА].

²Здесь и далее при цитировании коми сказок, если не указано иное, перевод с коми сделан автором статьи.

Литература

1. Азадовский М. К. – Русские сказочники // Статьи о литературе и фольклоре. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы. – 1960. – С. 15-79.
2. Зеленин Д. К. – Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // С. Ф. Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882-1932). Сборник статей. Л.: Издательство Академии наук СССР. – 1934. – С. 215-240.
3. Лавонен Н. А. – Карельская народная загадка. Л.: Наука. – 1977. – 136 с.
4. Плесовский Ф. В. – Сказки народа коми: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.; Л. – 1950. – 13 с.

5. Сидоров А. С. – Пережитки культа промысловых животных у охотников коми // Коми му. – 1926. – № 5 (27). – С. 29-33.
6. Висер вожса съланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И. А. Осипов. Сыктывкар.: Коми книжное издательство. – 1941. – 236 с.
7. Висер вожса съланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И. А. Осипов. 2-е изд. Сыктывкар.: Коми книжное издательство. – 1986. – 256 с.
8. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Р.V. К. 219. П. 1. №1.
9. Ипатьдорса фольклор (Фольклор села Ипатово) / Сост. А. К. Микушев. Сыктывкар.: Коми книжное издательство. – 1980. – 184 с.
10. Коми мойдъяс (Коми сказки) / Сост. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар.: Коми книжное издательство. – 1991. – 231 с.
11. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205.
12. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 207.
13. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 209.
14. Национальный музей Республики Коми. Рукописный отдел. Ф. р 2309. Оп. 1. Д. 2.
15. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова // Зап. РГО СПб. – 1908. – Т. 33. – 646 с.